

«РЕЛИГИОЗНАЯ И МОРАЛЬНАЯ НАДСТРОЙКА» БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920-е ГОДЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О. И. Рудая

Донской государственный технический университет

Поступила в редакцию 20 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются психологические последствия Первой мировой войны для британского общества и анализируется его духовная атмосфера в 1920-е гг. Особое внимание уделяется характеристике настроений представителей интеллигенции.

Ключевые слова: Великобритания, Первая мировая война, духовный кризис, интеллигенция.

Abstract: the article considers the psychological consequences of World War I for the British society and is analyzed its spiritual atmosphere in the 1920s. Special attention is paid to characteristics of moods of intellectuals.

Key words: Great Britain, World War I, spiritual crisis, intellectuals.

Мировая война 1914–1918 гг. оказала огромное воздействие на британскую нацию. Породив серьезные изменения в социальной, финансово-экономической и политической сферах, она также сильно повлияла на психологическое состояние общества. Многие его представители, осознав значимость и масштаб произошедших событий, стали понимать, что привычный мир существенным образом изменился. Прежняя жизнь с ее морально-этическими понятиями и социальными нормами осталась в далеком прошлом, возврат к которому был уже невозможен. Разочарование, пустота и неуверенность охватили многих британцев. Особенно остро и болезненно переживала эти чувства интеллигенция.

Важнейшим элементом духовной ситуации послевоенных лет стало ощущение конца «прекрасной эпохи». Война безжалостно подвела черту под той жизнью, которая существовала до ее начала. Проведя глубокий водораздел между довоенной и послевоенной Британией, она ознаменовала начало совершенно новой эпохи. Предвоенное время стало вспоминаться как «золотой век покоя, мира, довольства и обеспеченности».

«Великая война 1914–1918 годов... разрушила... основы европейской цивилизации», – писал известный литератор Леонард Вульф [1, р. 9]. Примечательно, что слово «разрушение» приобрело символический характер и выражалось отнюдь не в материальном смысле. «Изменились как будто бы не материальные основы, – подчеркивал публицист и политик Джон Стрэчи. – Пострадала скорее религиозная и моральная надстройка» [2, с. 122].

Война поколебала нравственные и социальные устои британского общества, положение различных групп которого упрочилось или, напротив, ухудшилось. Она разрушила викторианскую систему ценностей и идеалов, разбив прежние запреты и табу. «Мое (молодое. – О. Р.) поколение, – вспоминал Стрэчи, – осознало банкротство старого мира не тогда, когда поняло, что его экономические основы расшатались, но внезапно и головокружительно утратив веру в идеологическую систему, унаследованную нами, в мораль, религию и социальное кредо» [там же].

Представителям интеллигенции казалось, что в мире не осталось ничего прочного и незыблемого. Некоторые из них, усомнившись во всем, что породил человеческий разум, стали скептиками. Один из студентов Кембриджа с горечью констатировал своей матери: «Ваше поколение утратило веру в Бога. Наше поколение утратило веру в человека» [3, р. 152]. Это разочарование и отчаяние часто перерастало в глубокую неудовлетворенность окружающей действительностью.

Эйфория и чувство нового, отчетливо проявившиеся в предвоенные годы, сменились ощущением разлада, распада и гибели. Исследователь интеллектуальной среды и современник тех лет Тоско Файвел отмечал, что «повсюду в Европе чувствовалось, что нечто, некая цивилизационная связь, некий простой довоенный образ жизни были разрушены и их никогда не соединить снова» [4, р. 36]. По выражению журналиста, ни в чем не наблюдалось уверенности и стабильности. Революции в России и Европе породили ощущение «хаоса», царящего якобы во всем мире. Данное чувство усиливало и то обстоятельство, что ситуация в самой Великобритании также была

неспокойной и характеризовалась серьезными социально-экономическими и политическими проблемами. Файвел находил ее «безобразной»: «Я чувствовал что-то очень дурное в социальной картине, окружавшей меня... Было новое пагубное влияние массовой безработицы, ... всеобщая забастовка (1926 года. – *О. Р.*), резкие антирабочие, антисоциалистические и направленные против иностранцев ноты... в популярной прессе» и на фоне этого «бывшие военнослужащие с боевыми медалями на груди, продававшие спички или терпеливо поворачивавшие ручки шарманок на краю тротуара» [*Ibid.*, р. 35]. Подобные настроения стали типичными для многих жителей Британии.

Еще более болезненно переживали утрату надежд те, кто прошел войну. Увиденное и пережитое на передовой не только разрушило идеалистические представления о «справедливой» войне, но и наложило неизгладимый отпечаток на психологическое состояние британцев. Писательница и журналистка Вера Бриттэн, оставившая учебу и добровольно отправившаяся работать медицинской сестрой на фронт, вспоминала, что по возвращении в Оксфорд она обнаружила в нем разные группы и типы настроений. Первую группу представляли профессора среднего возраста, рассматривавшие войну как крайнее неудобство, ибо она «набросила тень хаоса на их мирное академическое пастбище и угрожала их декорированной академической рутине буйным наплывом трагедий и эмоций». Вторая группа включала бывших военнослужащих, которые возвратились в университет для завершения образования. Их отношение к старым правилам и порядкам, регулировавшим жизнь оксфордских студентов, было циничным: «они питали надежды на строительство нового Иерусалима». Третью группу составляла молодежь, пришедшая из школ и не знавшая войны. Она была разочарована трансформацией норм Оксфорда и старших товарищей рассматривала лишь как причину конфликта и враждебности. Царившую в университете напряженность Бриттэн объясняла разрушением традиционных представлений и ценностей, чего не могли понять доны, «неспособные симпатизировать нашим бедам и потерям» [5, с. 137].

Схожая ситуация наблюдалась во многих высших учебных заведениях Великобритании. Лектор одного из университетов писала, что современные студенты считали старшее поколение – своих преподавателей, религиозных лидеров и политических деятелей «отсталыми людьми», неспособными оценить современную литературу, искусство, этику или социальные движения [6, р. 71]. Во многом эта напряженность представляла собой традиционный конфликт поколений, значительно обострившийся в послевоенные годы. Писатель Дж. Оруэлл характеризовал его так:

«Остатки прошедшего войну поколения, выжившие в бойне, обнаружили, что старшие продолжают верить в лозунги 1914 г., а младших, совсем юнцов, удушают учителя-холостяки, изъеденные пороком» [7, с. 691].

Потрясения, вызванные Первой мировой войной, в интеллектуальной среде оказались глубокими, длительными и имели различные последствия. Н. Аннан, интеллектуал и политический деятель той эпохи, отмечал две стороны и две формы реакции на это «чувство уничтожения поколения». Первая – пустота, горечь и духовный упадок [5, с. 137]. Еще до начала глобального конфликта творческая интеллигенция перестала идеализировать свой мир и его ценности и утратила оптимизм, с которым выступала в XIX в. Потеряв иллюзии и отшатнувшись от настоящего, она не готова была смотреть в будущее. Духовный кризис воспринимался ею как крушение всей цивилизации, и такое во многом трагическое жизнеощущение породило скепсис и пессимизм. По наблюдениям Л. Вульфа, большинство интеллектуалов 1920-х гг. «походило скорее на Диогена и автора “Экклезиаста”, чем на мистера Чусубла, Тома Пинча и мистера Микобера (литературных героев произведений Ч. Диккенса. – *О. Р.*), превратившихся в одного наивного и неразумного оптимиста» [1, р. 197]. Пессимистическим мировоззрением были объединены практически все влиятельные писатели того времени.

Второй формой реакции являлся протест, направленный против морально-этических принципов викторианского прошлого. «Источником бунта нашего времени был высший средний класс, – утверждал Аннан. – Это был бунт интеллигенции, в чем нет ничего странного. Именно интеллигенция называла вещи своими именами. Описывая и анализируя, часто протестуя и демонстрируя, она создавала чувство цели, она идентифицировала причины социальных зол и моральной коррупции» [5, с. 137–138]. Выражение протеста и даже бунта против ханжества, двуличия и лицемерия стало смыслом существования этой интеллигенции.

В 1920-е гг. в стране появился целый ряд художественных и публицистических произведений, в которых вскрывались и едко высмеивались пороки и догмы викторианства, в частности, имперское сознание, национальное чванство, боязнь перемен и реформ [8, с. 31]. Так, Джон Голсуорси, автор «Саги о Форсайтах», описал викторианскую эпоху как время фарисейства, когда достаточно было казаться респектабельным и порядочным, чтобы считаться таковым. Широкую известность приобрела книга биографа-эссеиста Литтона Стрэчи «Выдающиеся викторианцы», в которой призванные авторитеты викторианского общества подвергались осмеянию и показывались весьма непривлекательным образом

[9]. Н. Аннан, высоко оценивший появление этой книги, подчеркивал, что она была предназначена для того, чтобы подорвать викторианский истеблишмент и его культуру. По словам исследователя, это была «атака на империализм, политику власти, на мессианское христианство», а также удар по «гуманитаризму» [10, р. 82–83].

Большой вклад в разоблачение идеалов прошлого внес драматург и публицист Дж. Бернард Шоу. Б. Рассел в своем эссе отмечал, что его нападки на викторианскую глупость и лицемерие были не только благотворными, но и восхитительными [11, р. 73]. Аналогичные мотивы нашли отражение также в творчестве Олдоса Хаксли, Джеймса Джойса, Д. Г. Лоуренса. Результаты этого «литературного бунта» прокомментировал Дж. Стрэчи, заявивший о том, что «послевоенное поколение без церемоний расправило со всеми идеологическими надстройками викторианской эпохи. Табу, моральные стандарты, религиозные верования целого столетия были разбиты вдребезги» [2, с. 122]. Критика власти и развенчание ее ореола престижа стали одной из центральных тем английского романа 1920-х гг.

Другой важной проблемой, волновавшей писателей, было одиночество и ощущение бессмысленности существования индивидов в послевоенном обществе. В литературе того времени человек представлен как личность разочарованная, дезориентированная, подавленная и уже в меньшей степени доверявшая власти.

Схожее мироощущение запечатлел и английский историк Ф. Хёрст, общавшийся с представителями разных профессий и написавший книгу о последствиях мировой войны для Британии. Он приводит мнение корреспондента и видного деятеля лейбористской партии, который утверждал, что после войны люди потеряли доверие к человеческим и божественным ценностям, и в обществе получило распространение своего рода кредо: «Ешьте, пейте и будьте веселы». Наряду с этим наблюдалось общее недоверие к политикам и государственным деятелям [6, р. 76–77]. О желании «забыть большую войну» и получать от жизни удовольствие писал также Н. Аннан. Примечательно, что подобное стремление он обнаружил не только у простых обывателей, но и среди интеллигентов: «Мы хотели развлекаться и развлекались» [10, р. 90]. Политика казалась им чем-то абсурдным и многих, особенно молодых специалистов, не интересовала вообще [Ibid., р. 98].

Для ряда интеллигентов послевоенное десятилетие стало временем социального отчуждения от буржуазного общества. Представители творческой интеллигенции считали себя обособленными от большинства своих соотечественников посредством свойственного им особого восприятия действитель-

ности. Англо-американский исследователь Г. Перкин характеризует их как «бесклассовый класс», который думал о себе как об «одиноким интеллектуалах, поднявшихся над толпой благодаря своему таланту восприятия» [12, р. 391]. Ученый рассматривает эту обособленность в качестве одного из главных идентификаторов профессионального класса. Однако Т. Файвел видит ее истоки в существовании традиционного конфликта между мещанской буржуазией и отчужденной интеллигенцией, который с появлением модернизма в Англии стал еще более острым [4, р. 33–34].

Так или иначе, отрешенность была в моде 1920-х гг., и ведущие литераторы следовали ей. В значительной мере она являлась реакцией на разрушение традиционных социальных ценностей, и ее формой был уход части интеллектуалов в мир искусства. Эти люди, пытаясь отойти от насущных проблем действительности, проповедовали культ красоты, удовольствия, непознаваемость мира. Общественная реальность объявлялась ими сферой низшего порядка. На первое место выдвигалась сфера духовная, мир частной жизни, интимных переживаний. Их кумирами были Д. Джойс и Т. С. Элиот – культурный герой 1920-х гг., сумевший наиболее точно выразить «чувство внутренней опустошенности, пессимизма и отчуждения от распадающегося общества» [Ibid., р. 36]. Литератор Майкл Робертс, характеризуя отмеченные тенденции в поэзии, констатировал, что «поэт, презирая окружающее общество, ... отстранился от повседневности и стал создавать эзотерические произведения» [13, с. 175].

Советский исследователь Д. Мирский считает 1920-е гг. периодом максимального расцвета эстетствующей интеллигенции, «высокобровых», т. е. «поднимающих брови от чувства своей важности и презрения к филистерам». Эти интеллектуалы стремились поставить себя выше толпы «трудностью и непонятностью своих произведений». Среди них Мирский находил неординарных личностей, в частности Д. Г. Лоуренса, автора нашумевшего романа «Любовник леди Чаттерлей». Это произведение он характеризовал как «одну из вершин целой большой полосы литературы высшей интеллигенции, отвернувшейся от общества и поклонившейся древнему сверхисторическому богу – фаллосу» [14, с. 70]. В интеллектуальных кругах Д. Г. Лоуренс слыл бунтарем, рассматривавшим себя исключительно как единичного английского исследователя собственной личности, темных бессознательных эмоций и примитивных культур. Хорошо знавший писателя Б. Рассел заметил в нем наряду с бунтарством ненависть к человечеству. Такой вывод он сделал на основании реакции Д. Г. Лоуренса на своих друзей и знакомых из Кембриджа: «Он ненавидел их всех страстной не-

ненавистью и сказал, что они были “мертвы, мертвы, мертвы”». Вскоре Б. Рассел понял, что литератор «не имел никакого реального желания сделать мир лучше, а лишь с увлечением произносил красноречивые монологи о том, как он плох» [15, р. 11, 13].

Подобное отношение к действительности следует рассматривать как один из вариантов поиска интеллектуалами своего места в послевоенном мире. Осознав, что британское общество изменилось, стало, по их мнению, пустым, жалким и непривлекательным, они приходили к убеждению о неизбежности своей отдаленности от него. Их произведения отражали дух той эпохи и оказывали большое влияние на тогдашнее молодое поколение. Так, Дж. Стрэчи вспоминал, что в 1919 г., когда в армии призывали к «активному выступлению», «мы интересовались главным образом “смелыми” эротическими сценами в романах Лоуренса и Хаксли...» [2, с. 122].

Однако такая отрешенность от социальной действительности была чревата последствиями. Позднее, в 1940 г. Дж. Оруэлл, констатируя это упущение, писал: «Не было внимания к насущным проблемам момента... Наш взор обращен в Рим, Византию, Монпарнас, Мексику, к этрускам, подсознательному, солнечной дали – везде, кроме того, где вещи происходят на самом деле. Когда вспоминаешь 20-е годы, нет ничего более странного, чем образ действия, по которому каждое важное событие в Европе ускользало от внимания английской интеллигенции» [7, с. 695]. Так или иначе, это был выбор – осознанно или неосознанно сделанный интеллектуалами послевоенного периода и определивший их место в быстро менявшемся мире, постичь который многие из них даже не стремились.

Таким образом, можно отметить, что Первая мировая война, ставшая для британцев «великой», породила глубокий духовный кризис, последствия которого общество переживало на протяжении 1920-х гг. Жители туманного Альбиона не только

лишились многих прежних надежд и иллюзий, но и утратили веру в традиционную систему идеалов, что стимулировало некоторых из них к поиску новых ориентиров и моральных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Woolf L. Downhill All the Way. An Autobiography of the Years 1919 to 1939* / L. Woolf. – N.-Y., 1967.
2. *Стрэчи Дж. Воспитание коммуниста* / Дж. Стрэчи // *Интернациональная литература*. – 1934. – № 2.
3. *The Diary of Beatrice Webb*. – Vol. 4. – Cambridge, 1985.
4. *Fyvel T. R. Intellectuals Today. Problems in a Changing Society* / T. R. Fyvel. – L., 1968.
5. *Фадеева Л. А. Очерки истории британской интеллигенции* / Л. А. Фадеева. – Пермь, 1995.
6. *Hirst F. W. The Consequences of the War to Great Britain* / F. W. Hirst. – L., 1934.
7. *Оруэлл Дж. Во чреве кита* / Дж. Оруэлл // Миллер Г. Тропик рака. Тропик козерога. – М., 2000.
8. *Ушкевич Н. Ф. Консервативные ценностные ориентиры в культуре Англии в межвоенный период* / Н. Ф. Ушкевич // *Исследования по консерватизму. Вып. 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях*. – Пермь, 1995.
9. *Strachey L. Eminent Victorians* / L. Strachey. – Harmondsworth, 1986.
10. *Annan N. Our Age : English Intellectuals Between the World Wars – a Group Portrait* / N. Annan. – N.-Y., 1991.
11. *Russell B. George Bernard Shaw* / B. Russell // *Portraits from Memory and Other Essays*. – L., 1956.
12. *Perkin H. The Rise of Professional Society : England Since 1880* / H. Perkin. – L. ; N.-Y., 1989.
13. *Леман Дж. О революционных тенденциях в новейшей английской поэзии (1930–1935)* / Дж. Леман // *Интернациональная литература*. – 1936. – № 5.
14. *Мирский Д. Интеллигентсия* / Д. Мирский. – М., 1934.
15. *The Autobiography of Bertrand Russell. 1914–1944*. – Boston ; Toronto, 1968.

*Донской государственный технический университет
Рудая О. И., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и культурологии
E-mail: oiru2011@yandex.ru
Тел.: 8-918-577-68-56*

*Don State Technical University
Rudaya O. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Cultural Studies
E-mail: oiru2011@yandex.ru
Tel.: 8-918-577-68-56*